УДК 94(47).084.3

А. И. Рупасов

Человек в период хаоса: судьба рядового савинковца

В 1920–1921 гг. одной из острых проблем для советской власти стала активная диверсионная деятельность, которой руководил Борис Викторович Савинков. В Польше им был создан Народный союз защиты родины и свободы, имевший довольно разветвленную сеть агентов на территории РСФСР. Наличие у Савинкова контактов с ведущими европейскими политиками делало его серьезным противником. В ВЧК с особым вниманием относились к любой информации о Савинкове и лицах, в той или иной мере сопричастных его деятельности[1].

24 января 1922 г. из Пскова в 4-е специальное секретное отделение Особого отдела ПгВО поступила шифротелеграмма от начальника СОЧ Псковской губернской ЧК Перкона: «Иванов Федор Яковлевич видный агент Савинковской организации и контрразведчик <...> происходящий со ст. Струги Красные, проживает в Петрограде, служит [на] Первом участке Службы пути Московской Виндаво-Рыбинской железной дороги. По сведениям имеет обширные связи в Петрограде. Выехав из Варшавы, имел поручение от бывшего сенатора Любимова[2]. Просьба срочно установить наблюдение, ни [в] коем случае не арестовывая. Материалы на него будут высланы»[3]. Федор Иванов входил в состав отряда савинковца полковника Васильева, небольшой части которого после кровавого рейда по Псковщине в августе–сентябре 1921 г. удалось уйти в Польшу. Федора Иванова в псковской ЧК считали савинковским контрразведчиком. В Петрограде он жил на Обводном канале, д. 118. Уже 2 февраля 1922 г. он был арестован. Постановление об аресте являлось секретным, оглашению не подлежащим[4].

Федор Яковлевич Иванов, 1899 г.р., был родом из деревни Богородицкой Толковской волости Островского уезда Псковской губернии. В начале 1917 г. он окончил Техническое железнодорожное училище в Ревеле и в марте приехал в Струги Белые, где поступил на работу в создававшуюся милицию, а с февраля 1918 г. работал на Третьей дистанции железнодорожной станции Струги, ставшие к тому времени Красными, в качестве техника-практиканта. На этой должности он проработал до конца мая 1919 г., когда, как первоначально утверждал Федор Яковлевич на допросах, он был взят в плен белыми[5]. К этому следователи отнеслись с сомнением, поскольку было известно, что до конца августа 1919 г. Иванов работал техником на железнодорожной станции Псков, а когда войска Северо-Западной армии Юденича отступали, он добровольно эвакуировался с ними и поступил на аналогичную должность в Эстонии — на железнодорожной станции Нарва. Осеннее отступление армии Юденича и последовавшее интернирование ее частей на территории Эстонии заставили Федора Иванова изменить место работы — с 7 марта 1920 г. он служил на казенной государственной службе техником на железной дороге. Проработал он якобы до 9 ноября 1921 г. Самый интересный период его жизни наступил после его увольнения с эстонской железной дороги.

Рассказ о том, как он оказался в Советской России, не мог не вызвать у следствия по меньшей мере подозрений. Иванов перешел эстонско-советскую границу в районе Печор. Это соответствовало действительности. Однако подача этого шага как «побега» разочаровавшегося в жизни в капиталистической Эстонии представителя железнодорожного пролетариата, впрочем как и детали перехода границы, порождали сомнения. Иванов утверждал, что 9 ноября 1921 г. на вокзале Нарвы около 11 часов утра он прочитал в газете «Известия ВЦИК» информацию об амнистии лицам, воевавшим в рядах белых армий. Вопрос, как он мог раздобыть в Нарве московскую газету в день ее выхода, не поставил Иванова в тупик. Он заявил, что газету ему передал один из проводников московского поезда. Однако последовавшие события развивались с такой скоростью, что неизбежно наводили на мысль о заблаговременно составленном плане перехода границы, так как уже 9 ноября Иванов выехал из Нарвы в Тарту и в ночь с 10 на 11 ноября перешел границу и оказался в Пскове. Он якобы отказался от мысли переходить границу в районе Нарвы по той причине, что вокруг этого эстонского города стояло большое число воинских частей, в то время как было широко известно, что переход границы около Пскова не вызывает затруднений, чем и пользуются контрабандисты. Сотрудникам особого отдела, однако, было хорошо известно, что контрабандисты также легко избегают встреч с пограничниками и при переправе через р. Нарву.

На следующий день после своего ареста Федор Иванов внес существенные дополнения в данные сразу после задержания показания. О своей жизни до перехода границы он сообщил следующее: «<...> техником дистанции на участке Нарва–Раквере служил до 15 ноября 1920 г., 27 ноября 1920 г. был уже в городе

Данциге, куда попал на латвийском пароходе «Saratow», с которым ехало много лиц из армии Юденича <...> которые под видом польских граждан усаживались на пароход. Документы же выдавал лично эстонский министр в присутствии польского военного представителя ротмистра Богуславского»[6]. Иванов признавал, что данное мероприятие «проводилось в жизнь крайне конспиративно», но уклонился от пояснений, почему именно он среди гораздо большего числа служивших в Северо-Западной армии был избран для того, чтобы быть эвакуированным из Эстонии. После прибытия в Данциг эвакуированные были на поезде отправлены в Польшу, в Пинск, где расположился штаб армии генерала С. Н. Булак-Балаховича. В штабе Иванов получил новое назначение — техником в бронепоезде «Балаховец», который, правда, по объективным причинам (мосты были разрушены) фактически бездействовал и стоял на станции Лунинец в 60 верстах от Пинска.

Советско-польские переговоры о заключении мирного договора делали неизбежной демобилизацию отрядов Булак-Балаховича. За демобилизацией последовало интернирование всех служивших в них. Они были отправлены в лагерь военнопленных в Щиперно (близ Калиша). 2 декабря 1920 г. состав команды бронепоезда «Балаховец» был расформирован и распределен по полкам. «Я был откомандирован в распоряжение 4-го Вознесенского полка, в нестроевую команду, где числился вольноопределяющимся, — рассказывал Иванов, — 6 декабря был переведен в лагерь интернированных в Щиперно и сразу же был откомандирован в распоряжение особой комиссии, на обязанностях которой лежал расспрос чинов армии за прошлое время и увольнение из армии в том случае, если имелись документы о причастности к польскому происхождению»[7].

Уже это признание арестованного обратило на себя особое внимание следователей. Простому технику быть откомандированным в распоряжение особой комиссии могло означать только одно — этому человеку доверяли. Комиссия подчинялась Русскому политическому комитету[8], который располагался в варшавском отеле «Brül»[9], в комнатах № 35, 36, 37 и 38, главой армии и комитета были братья Борис и Виктор Савинковы[10], в комитет входили также братья Сергей и Борис Павловские, А. А. Дикгоф-Деренталь, А. Г. Мягков (муж сестры братьев Савинковых), В. В. Ульяницкий, А. К. Рудин и др. «Работая, они чувствовали за собой сильную опору в виде Пилсудского <...> и дипломатической французской миссии во главе с генералом Нисселем[11] <...> Русский политический комитет переименовывался в русский эвакуационный комитет, затем стал называться русским попечительским комитетом, находится в Варшаве на Маршалковской улице дом 68. В первой комнате имеется лавка, где заведующим этой лавкой — Колчак, член политического комитета, он представляет из себя уже старика с большой черной бородой, высокого роста и длинными черными волосами, происходит из крестьян Псковской губернии», — рассказывал Иванов[12].

В Щиперно интернированные пробыли до весны 1921 г., когда весь лагерь был перевезен в Галицию, в местечко Пикулицы. Иванов был уволен из особой комиссии и причислен к комендантской команде Вознесенского полка. На допросе Федор Яковлевич неосмотрительно поведал об одной истории, которая в глазах следователей едва ли могла служить смягчающим обстоятельством. «Во время службы в особой комиссии я познакомился с офицером Псковского полка капитаном Жилиным, который служил и жил с делопроизводителем штаба дивизии «Смерти» военным чиновником Васильевым <...> в начале мая 1921 г. мне было отдано приказание арестовать Васильева, когда он будет возвращаться с прогулки, это и было мною исполнено при содействии польских солдат. Когда привели Васильева в комендатуру лагеря и обыскали, то оказалось, что Васильев был организатором ком[мунистической] ячейки и по сведениям капитана Жилина, которые он собирал, как выяснилось позже, несколько месяцев, еще когда жили в Щиперно. Вместе с Васильевым работал и один прапорщик Карпов, который в день ареста Васильева еще утром сказал капитану Жилину и начальнику штаба дивизии п-ку Делль, что он, Карпов, Васильев и еще один офицер Арсеньев, сегодня будут писать прокламации, и взял у капитана Жилина шапирограф». Спохватившись, Иванов заявил: «Невольно теперь возникает вопрос: почему именно мне было отдано такое распоряжение, а не другому?». Предложенный следователю ответ — «Как знакомому приказал Жилин мне это исполнить», — убедительным признан не был.

Не мог дать Иванов и вразумительного ответа на вопрос, почему, несмотря на весомость заслуг — работу в особом комитете, участие в аресте заподозренных в сочувствии к коммунистам сослуживцев — он в итоге оказался отпущенным на вольные хлеба. «Вскоре после этого я уехал в Варшаву, чтобы поступить техником на польскую железную дорогу и два месяца ждал ответа, который мне гласил следующее: «Что если я приму католичество, то могу быть принятым!». Считая всё это предрассудком, я стал искать другой службы и всё получал те же ответы»[13]. Однако поиск работы был всё же недолгим. «Живя без занятий и получая бесплатные обеды в столовой Красного Креста американской миссии, я познакомился с одним офицером Терентьевым, который состоял на службе у французов и который составил мне протекцию ехать в Россию в качестве тайного агента с условием — вернуться в Польшу. Мне были предоставлены деньги на поездку — 300 000 советских рублей и 5000 марок. Документы выдала миссия от какого-то Кайдановского исполкома[14], на мое имя и такие, что я командирован в г. Псков в разрешенный отпуск до 20 ноября 1921 года. Задания мне давали во французской миссии капитан де Рож и капитан Дюмо в присутствии председателя миссии, и такие, что я при содействии своих родных и знакомых достал бы документы, дискредитирующие и компрометирующие коммунистическую партию».

Следователь обратил внимание на оговорку Иванова, что одной из целей его отправки в Россию по инициативе французов было установление контак-

тов савинковской организации с финляндской организацией Г. Е. Эльвенгрена. Согласие на подобного рода работу контрастировало с последовавшим заявлением Иванова: «<...> то, что делается в белом лагере в Польше, окончательно убило доверие к белым руководителям и там кроме обманутых белой авантюрой солдат никого нет. Не буду себя причислять к несознательным! Служил в белом лагере добровольно и когда узнал их прелести вполне, то решил удрать на родину и служить не за страх, а за совесть! Перешел границу у станции Жидковичи. До станции Птич шел пешком, а с Птича ехал поездом до станции Струги Красные, где был у отца одни сутки, где уничтожил документы от французской миссии <...> до Петрограда доехал со своей сестрой, с которой пришли к брату — комиссару Первого участка службы пути М. П. Петрову, который поставил меня на службу с подпиской от меня, что я буду добросовестно относиться к исполнению своих обязанностей <...> Прибыл в Россию по октябрьской амнистии, а потому убедительно прошу простить вывихи моей молодой жизни. Я отработаю утраченное время! Но зато я никогда не пойду на белую авантюру — мне известны ее прелести! Льщу себя надеждой, что по рассмотрению моего дела мне будет предоставлено право гражданства РСФСР»[15].

В распоряжении следователей имелись, однако, документы, содержание которых вынудило Ф. Иванова более подробно остановиться на деталях своей биографии. По его словам, из Варшавы от поляков и от Савинкова посылалось много отдельных лиц и целые группы в разных направлениях Советской России. В одном таком отряде (в отряде полковника Васильева[16]), в состав которого входило 30 человек солдат и офицеров, был и Иванов. При отъезде с отрядом Васильева он успел получить от некого Любимова, секретаря американского Красного креста, костюм, белье, сапоги и одеяло, а также 4000 польских марок, «как отъезжающий в Эстонию». С Васильевым Иванов был знаком с 1920 г., полковник ему доверял во всем. Покидая Эстонию, Васильев именно Иванова зачислил в свою группу, а позже, в ноябре 1920 г. взял с собой в Варшаву, якобы только в качестве курьера. Зверства, которые отряд Васильева успел до своего полного уничтожения совершить во время своего рейда в августе 1921 г., были ужасающими. Несколько «соратников» Васильева были захвачены в плен. Факт участия Иванова в этом рейде противоречил его показаниям — не только утверждению, что он работал до ноября 1921 г. на станции Нарва. Отряд Васильева действовал в тех местах, через которые Федор Яковлевич должен был «бежать» из капиталистической Эстонии в Советскую Россию. Казалось, вполне уместным является предположение, что во время преследования отряда Васильева Иванову удалось ускользнуть от ЧОНовцев, и он просто скрывался несколько недель на Псковщине, прежде чем добрался до Петрограда. На вопрос следователя, почему он, Иванов, возмущенный зверствами Васильева, не покинул отряда, был получен ответ: боялся получить пулю в спину.

Знакомство Иванова с Васильевым заинтересовало следователей. Дальнейшие расспросы добавили не только интересных деталей, но и противоречий в рассказах арестованного. 19 ноября 1920 г. Васильев был в Варшаве, а Иванов при нем находился в качестве курьера. С секретным пакетом от Васильева Иванов ездил встречать эшелон на ст. Сдолбуново. В переданном им поручику Гурьеву приказе Васильева предписывалось срочно отобрать людей, желающих служить у Балаховича и на посылаемые с Ивановым деньги (полученные от Б. Савинкова и графа А. П. фон дер Палина) срочно перевезти их в Пинск. Выполнение подобного рода поручений могло быть доверено только проверенным лицам, Иванов признавал, что Васильев, офицеры Гурьев и другие всегда были о нем хорошего мнения, о чем они также говорили Б. Савинкову. В собственноручных показаниях Иванов поименно перечислил всех членов отряда Васильева и указал тех, кто после разгрома отряда был, по его сведениям, повторно отправлен в Россию.

Что же касается рейда отряда Васильева, то Иванов сообщил: «Границу переходили у местечка Глубокое <...> Штабу 2-й армии было дано секретное поручение или приказание пропускать за границу и принимать обратно людей Савинкова, что ими и исполнялось в точности <...> Из Варшавы я уехал 5–7 ноября 1921 г., как раз в тот день, когда выставляли Савинкова[17] и К° за пределы Польши»[18]. Выходило, что Иванову удалось добраться до Нарвы удивительно быстро — 9 ноября он уже читал там «Известия» с постановлением об амнистии. Понимая, что ему грозит, Федор Яковлевич неоднократно повторял: «Всякую причастность к контрразведке отрицаю». Желание спасти жизнь стимулировало словоохотливость Иванова. Ознакомившись с первыми протоколами допросов Федора Иванова, начальник 4-го секретного специального отделения Особого отдела Петроградского военного округа А. Д. Логинов в феврале 1922 г. постановил: вследствие важности дела, ведение которого требует сохранения строжайшей конспирации, Ф. Я. Иванова «заключить под стражу при гауптвахте Особого отдела ПгВО по 1-й категории, заключив его в месте заключения как: неизвестный № 1». Постановление являлось секретным и оглашению не подлежало.

Вынужденный под давлением фактов более детально рассказать о своей жизни в период 1919–1921 гг., осознавая, что он не попадет в число подлежащих амнистии, Иванов стал забрасывать следователей, прокуратуру, высшие органы власти РСФСР письмами с просьбой сохранить ему жизнь. Уже 6 февраля он передал следователю свое первое письмо-заявление: «Для уменьшения моего наказания я убедительно прошу дать мне возможность открыть лицо, указанное мне в Варшаве или другое дело, чтобы при помощи меня обезвреживать работающих против Советской России, к чему присовокупляю, что за все три года эмигрирования мною не выпущена ни одна пуля и ни одного человека я не лишил жизни. А потому прошу наказать меня, но так, чтобы я и родители могли жить! Мне только 6 февраля исполнилось 23 года, и я могу быть полез-

ным еще! Умоляю простить мне все грехи эмигрирования. Поручиться за меня, кроме названных лиц, некому, только если те крестьяне, среди которых я вырос и учился, это в окрестности станции Струги Красные. Но я повторяю, что приехал на родину жить и служить ей, а о поручениях из Варшавы я и не думал! В контрразведке я не служил... Но, повторяю, я не так опасен, чтобы мог делать что-нибудь опасное и даже не опасное для Сов[етской] России. Дайте жить в социалистическом отечестве. Я могу быть хорошо полезным нашему транспорту, как техник».

Четыре дня спустя им было написано новое заявление. Это была своего рода амальгама из мольбы и предложений. Его стоит привести полностью:

«Во Всероссийский центральный исполнительный комитет Совета Народных Комиссаров через Особый отдел Петроградского округа и Всероссийскую чрезвычайную комиссию от арестованного техника 1-го участка службы пути Северо-Западных железных дорог Федора Яковлевича Иванова, обвиняемого в контрреволюции

Прошение

Будучи арестованным 2 февраля 1922 г. в О.Д.Т.Ч.К. Петрограда Виндавского агентами Особого отдела Петроградского округа, убедительно прошу о помиловании моей молодой жизни, которая может оказать родине большие услуги!

Все сказанное мною при допросах, суть чистая правда и вся моя откровенность. Все что я знал и знаю, мною уже открыто. Думаю, что сказанные сведения могут сослужить правительству моей родины должные услуги. Да и сам я исполню все то, что прикажут люди, стоящие у кормила власти Советской России.

Для полного искупления своих вывихов молодости, моих преступлений во время трехлетнего эмигрирования, я, Иванов, осмеливаюсь предложить следующий проект открытия белогвардейских организаций на территории РСФСР:

Командируйте меня в ту же Варшаву, т.е. якобы я возвращаюсь с той командировки, которая мне была дана в Варшаве от французской дипломатической миссии. Туда, т.е. в Варшаву я должен свезти документы из Советской России, которые много будут говорить и освещать общий ход правления РСФСР, а именно:

1) Написать несколько штук выдуманных, но серьезных секретных приказов, штук около 30;
2) несколько выдуманных сводок о войсковых частях и
3) несколько требовательных ведомостей от какой-либо войсковой части. Да такия, чтобы было больше число фамилий — по требовательным ведомостям они, т.е. французы, определяют величину состава роты, батальона, полка, бригады и пр.

Все эти документы я продам французам и получу через двухнедельный срок вторичную командировку в Советскую Россию. И уже при вторичной командировке, т.е. тогда, когда я исполню первое поручение, мне будет окончательное доверие от французов, и мне только тогда будут названы французами пункты определенной явки на территории Советской России, а при первой моей командировке, мне было поставлено условием то, что я сам первую командировку должен осуществить при помощи знакомства в Советской России.

При окончательном отъезде из Варшавы в командировку в Советскую Россию я должен был сообщить французам тех лиц, к кому я должен явиться в РСФСР и, не имея таковых, я перед разговором с французами обратился к капитану Латунину и к поручику Понамареву-Кольцову за содействием, которые указали тех своих сотрудников, от которых сами получали сведения, требуемые французами. Эти-то лица названы были мною французам, и моя поездка осуществилась!

Без поручений такого рода мне бы никогда было не уехать в Сов[етскую] Россию, на родину, а эмигрировать мне стало не в силу больше! Без родины жить больше не мог!

Если мой проект может быть принятым соответствующими властями, то опять же при своем знакомстве в Варшаве я сумею достать документы и другой политический материал от савинковцев.

Все что я проектирую, могу исполнить в точности! Уверяю Вас, это не ложь! В залог всего, что я мог бы провести в жизнь и моей такой командировки, пусть останутся мои: отец, мать, три брата и сестра заложниками у Вас! Но, клянусь честью и родными, что это предложение делается мною чистосердечно, без замысла к укрывательству!

На Родину я приехал не с целью предательства, а потому,

1) как понявший всю несуразность белого лагеря и видевший, что там, кроме крупных авантюристов, никого нет; и
2) как не могший далее жить без Родины и родителей, о которых я не имел сведений три года, которые проведены мною в эмигрировании.

Я могу просить помилования, ведь я же не сын сенатора, помещика и купца, а только крестьянина — железнодорожного служащего!

Сидя в заключении сейчас, я не могу дать отчета в эмигрировании.

Льщу себя скромной надеждой, что мое социалистическое отечество дарует мне жизнь и возможность принести искупление своей вины.

Я хочу жить — у меня есть невеста; ведь мне 6 февраля исполнилось только 23 г. Ф. Иванов. Камера № 200. 10.2.1922. Петроград»[19].

Минула неделя со времени написания этого прошения. 17 февраля произошло событие, которое повергло Иванова в ужас и заставило обратиться с новым прошением, на это раз на имя А. Д. Логинова:

«Прошение

Сегодня 17 февраля 1922 г. при допросе агентом ВЧК в комнате № 173, я случайно заметил на столе список лиц, подлежащих смертной казни, в каковом списке и я записан, а потому осмеливаюсь второй раз просить помилования, пощады моей молодой жизни! Клянусь честью и всем дорогим мне, что сказанное мной при дознаниях есть полная моя откровенность и чистая правда! Все что я знал и знаю, я сказал. Осмеливаюсь напомнить Вам, что с меня агент ВЧК взял подписку о том, что если я буду откровенным во всем, то этою откровенностью я смягчу себе наказание — и я был вполне откровенен не потому, что с меня взята такая подписка. Нет! Я говорил правду и был откровенным вполне потому, что я разочаровался в белых авантюрах и приехал на Родину жить и быть ей полезным!

Товарищ! Поверьте хоть раз преступнику и не лишайте жизни, ведь я еще могу много принести пользы своему отечеству. У меня есть возможность искупить свою вину! Не убивайте любовь к Родине, из-за которой я приехал в Россию! Замените смертную казнь другим наказанием, ведь я не опасен для своего социалистического отечества.

По выяснении всех деталей моего дела, Вы выясните, что со дня приезда на Родину, мною ничего не предпринималось по тем поручениям, которые мне были даны в Варшаве. А то что я делал в заграница, то я искуплю в несколько раз больше!

Приведение в исполнение моего приговора, как я видел, должно быть 19/II 1922 г. Умоляю помиловать меня и подарить мне жизнь, т[ак] к[ак] в день моей казни, будет день моего рождения, т.е. 19/6 февраля 1922 года.

Если есть хотя маленькая возможность, то продлите, помилуйте мою жизнь. Я не опасен и ничего не скрываю!

Проситель: Ф. Иванов
17 февраля 1922 г. Петроград»[20].

За этим обращением едва ли не каждый день Иванов писал новые. Он вспоминал все новых и новых лиц, способных поручиться за него. Протокол допроса за 20 февраля свидетельствует, что Иванов вспомнил, что в Стругах Красных есть «союз молодежи учащихся», в котором членом состоит Анна Семенова, Сара Стессина, Степан Ильин, военный врач, член РКП, Иван Ильин, тоже военный врач, агент ЧК. Список был довольно длинный. Неизбежно, однако, вставал вопрос, поручатся ли за него в действительности эти люди, не видевшие Федора Иванова три года и ничего не знавшие о его деятельности в 1919–1921 гг. Постепенное припоминание Ивановым все большего количества деталей, особенно за период 1920–1921 гг., свидетельствовало о том, что следствию не стоит торопиться с завершением дела. Арестанту были даны карандаши и бумага — чтобы время даром не пропадало, и он мог изложить

все, что припоминалось. Красивым четким почерком Федор Яковлевич день за днем писал «дополнительные показания». Время шло, подследственный постепенно успокаивался, проводившиеся в феврале ежедневно допросы в марте стали редкими. Однако Иванов не забывал направлять по всем адресам просьбы о помиловании. 2 марта он таковое снова адресовал ВЦИК. Почувствовав заинтересованность следователей, он попытался добиться смягчения режима заключения. Неоднократно и, судя по всему, успешно добивался «усиления пайка», начав с малого — с дополнительных порций хлеба, селедки, махорки.

Когда в конце марта допросы возобновились, Иванов должен был понять, что следователи даром времени не теряли. Следствие интересовали, в частности, причастность Савинкова к восстанию в Кронштадте. Единственное, что Иванов мог припомнить, это сделанный перед командирами воинских частей закрытый доклад соратника Савинкова профессора Одинца, приехавшего в лагерь интернированных. Одинец сказал тогда присутствовавшим, что восстание было делом рук организации Савинкова, но кронштадтцы не вытерпели и выступили раньше, чем следовало.

В конце апреля 1922 г. Федор Иванов был переведен с гауптвахты Особого отдела в камеру дома предварительного заключения с более жестким режимом. Сохранилось написанное им заявление на имя коменданта, в котором он просил, ссылаясь на решение следователя, вернуть ему отобранные надзирателем три книги и карандаш. Он просил отдать распоряжение, чтобы на его имя по-прежнему принимались посылки, как это было в арестном доме при Особом отделе. Были ли эти просьбы удовлетворены, остается неизвестным. Допросы длительное время не возобновлялись. Последнее обстоятельство вызывало у Федора Яковлевича беспокойство. В середине мая 1922 г. допросы с ним стал проводить только что переведенный на работу в Ленинград особо уполномоченный ОГПУ при полномочном представительстве ОГПУ в ПгВО Александр Яковлевич Розенштейн. Данное обстоятельство свидетельствовало о возросшем интересе к сидельцу ДПЗ. Судя по всему, Розенштейн в ходе первых допросов внушил Иванову уверенность в благополучном исходе дела, что, впрочем, не повлекло смягчения тюремного режима.

Из допросов постепенно выяснялось, что степень осведомленности Иванова об отдельных сторонах событий, связанных с савинковскими и околосавинковскими кругами, была достаточно высока. 25 июня 1922 г. Иванов направил А. Я. Розенштейну пространное письмо:

«Простите за причиненное этими строками беспокойствие! Уже пять месяцев на исходе моего тюремного заключения и никакого просвета на горизонтах дела ареста не видно: нахожусь в самом неопределенном, сумрачно-туманном положении и даже начало конца не предвидится. Когда же наступит какая-либо перемена? Ведь я физически больше не в состоянии так жить: у меня вышли силы и мужество находиться пять месяцев в одиночной вонючей камере одному, не имея возможности даже поговорить с кем-либо, поменяться впечатлени-

ями — вообще лишен того, что по общечеловеческому праву полагается даже и лицу находящемуся под следствием.

Подобный режим и условия такого тюремного заключения носят название нравственного застенка, конечно, сообразуясь с продолжительностью подобного заключения, что в цивилизованной и вполне гуманной Стране недопустимо. Что может больше действовать и нравственно убивать заключенного человека, как не такие условия и режим тюремной жизни? Конечно ничто!

Вполне официально заявляю, что так дальше я жить или вернее прозябать не в силах! Не могу больше!.. Теперешнее состояние пятимесячного тюремного заключения — самое отчаянное, в котором заключенный может находиться в положении или состоянии кризиса серьезно больного человека, за последственный исход которого он, заключенный, не может быть в ответе!

Ужели только одна смерть или продолжительное невыносимое сидение может быть искупительницей всех этих мучений — нравственных пыток!

Ведь за все время эмигрирования с 27/II 1919 г. по 7/XI 1921 года я не лишил ни одного человека жизни, не имел даже винтовки и ни в одном бою с войсками РСФСР не принимал участия, что могут подтвердить все знающие меня лица, перешедшие из Польши и из Эстонии. Так зачем же заставлять так страдать меня?

На Родину вернулся вовсе не для работы с белыми, а для того, чтобы служить не за страх, а за совесть на том поприще, где служил с 22/XI 1921 г. до дня арестования 2/II 1922 года и был, поскольку мог, полезным, не стараясь даже и думать о Польше, о поручении, о возвращении обратно в лагерь белых! Да, и непростительным глупцом был бы, даже думая обо всем этом, тогда как все родственники и самые близкие: отец, мать, братья, сестры, находятся в Петроградской губернии, которые были бы в ответственности за малейший мой проступок, дав поручительства за меня головою. Я знаю, что за меня есть поручительства. Не такой уж я негодяй, чтобы таковые т.е. поручительства, не дали за меня! Зачем же тогда Вы уродуете мне молодую двадцатитрехлетнюю жизнь?

Жизнь моя и так полна несчастиями! Мне кажется, да так оно и на самом деле есть, что я в достаточной мере наказан этими годами эмигрирования. Не знал каково оно есть, но узнав — сильно разочаровался, так как у меня не было ни одного светлого дня и молодую жизнь представлял только в идеале. Кто не испытал этого, тот не постигнет, не поймет и тех нравственно-физических наказаний, бедствий, личных и патриотических оскорблений и нужд во всем! А теория не настолько красноречива, чтобы передать эти ужасы тяжкой и временами невыносимой жизни на бумаге тем лицам, которые эмигрирование знают теоретически.

Не скомпрометировал также себя пред Родиной и Родину пред другими государствами добыванием или кражею документов государственной важности и продажею их иностранным дипломатическим заграничным

представительствам, а параллельно с этим, значит, не являюсь в этом отношении государственным преступником. Ни одна прокуратура не может мне предъявить обвинения в подобном хищении документов государственной важности и в сбытии их заграничным иностранным дипломатическим представительствам; ибо на это не имеется нигде никаких доказательств, а потому факт виновности не может быть доказан, с чем должны считаться и юридические власти моей Родины. Как я показывал в своих данных при допросах, все это является только мотивировкою, облегчительным материалом для меня пред польско-савинковскими властями выбраться из Польши, потому что в противном случае был бы посажен в варшавскую цитадель и по протекции Савинкова был бы обречен на неимоверные страдания.

В окончательной сложности моих преступлений является одно только эмигрирование, что после такого продолжительного, строго-сурового пятимесячного заключения не может служить поводом в дальнейшем для таких жестоких условий и режима для лица, находящегося пять месяцев под следствием и доведенного этими условиями и режимом до самого отчаянного состояния!

К чему же объявляются амнистии? Ужели ли Правительство моей Родины так много натерпелось от меня лично неприятностей и ущербов, чтобы не простить эмигрирование и дать свободу служить?!

А потому, питая надежды на Ваше добродушие, убедительно прошу в мое состояние и положение обратить хотя малое внимание на мои искренние просьбы от 8/V и 12/V 1922 г., а также прошу снять условия моего тюремного заключения переводом в какую-либо одиночную камеру, где имел бы возможность видеть человека, говорить и поделиться впечатлениями. Ведь в арестном доме при ОО ПВО нашли такого заключенного, к которому меня 8/III 1922 г. перевели с одиночной камеры № 200; с таким же успехом можно и в ДПЗ это проделать без малейшего ущерба для дела по ведению следствия!

Пожалуйста, обратите внимание на мои просьбы, так как продолжать такое сидение дальше не в моих силах. Будьте великодушны!

Ф. Иванов. ДПЗ. 25/VI 1922 г.»[21].

Прождав более двух недель реакции на свое обращение, Иванов написал новое. Можно лишь предположить, что следователь сослался на то, что не от него зависит исполнение пожеланий заключенного, что противоречило сказанному при первых встречах.

«Во Всероссийскую чрезвычайно-следственную комиссию чрез следователя Розенштейна

от арестованного техника
1 участка службы Пути и Зданий
Северо-Западных железных дорог
Петроградского узла
Федора Яковлевича Иванова —
бывшего эмигранта, обвиняемого в контрреволюции

одиночная камера № 174
ДПЗ
Особый строгий ярус. 12 июля 1922 г.

Прошение

Не видя результатов на мои самые искренние убедительные просьбы на имя ВЦИК от 8/V, 12/V 1922 г. и на имя следователя Розенштейна от 25 июня с.г., назвавшегося 19 мая лицом с широкими уполномочиями из центра, осмеливаюсь обратиться в ВЧК как высшей власти и справедливости с покорнейшей просьбою о разборе, расследовании моего дела, по поводу которого, как мне говорили в ОО ПВО, собирают сведения в Варшаве чрез русское дипломатическое представительство в Польше. Но ведь я нахожусь под этим, так скромно названным следствием, уже шестой месяц и не на положении подследственного лица, а уже осужденного судом на тяжкие, суровые, невыносимые страдания тюремной жизни, режим и условия которой носят название нравственного застенка, чего не может быть в доме предварительного заключения.

Со дня арестования, т.е. с 2/II 1922 г. по 29/V 1922 г. был заключен на положении человека, совершенно изолированного от всего и всех, но потом, с 29/V 1922 г. эту изоляцию полусняли и зато закупорили почти герметически в одиночную, вонючую, без солнца камеру, где воздух сперт, нечист и зловоние душит всё время, исключая 15 минут ночного времени — прогулки, которою пользуюсь с 10 июня только и то по предписанию врача ДПЗ. Находясь пока еще в здравом рассудке, осмеливаюсь спросить о цели такого истязания: что лицам, ведущим следствие по моему делу, нужно и требуется законом, что они хотят получить из меня? Вполне откровенен во всем, что мне было известно! При всем моем желании больше не могу быть полезным в этом и неоднократно предлагал себя и знания свои в полное их распоряжение, в сознании приносить требуемую от меня посильную пользу. Если могу быть полезным, в чем я глубоко убежден, то зачем же держать полгода в тяжко-невыносимых условиях и заставлять меня превращаться в молодого старика, инвалида и нравственного урода?

Вы же, граждане, первые скажете, что Вам нужны здоровые работники, а тем более в том учреждении, где служил до арестования и вообще в Комиссариате Путей Сообщения, в котором главное внимание сосредоточено на здоровье человека при приеме на службу и равно также устанавливаются и периодические освидетельствования во время службы.

У них, лиц ведущих следствие по делу моего ареста, нет оснований, нет поводов к такому бессердечному, несочувственному, грубому и жестокому обращению со мною, как с осужденным. Суда не было еще и приговор неизвестен. Зачем же тогда такое негуманное обращение? Зачем отравляют и убивают лучшие человеческие чувства, а вместе с ними и молодую двадцатитрехлетнюю

жизнь, которая может не менее и не хуже их, расследователей дела, приносить пользу Родине по своей, конечно, специальности.

При первых допросах начальником следственного 4 отделения ОО ПВО тов. Логиновым совместно со следователем тов. Толли с меня взята была ими подписка, на которой роспись и тов. Толли, в том, что если я с ними буду вполне откровенен и искренен, то всё это послужит уменьшением наказания, и вообще неоднократно повторяли свои милостыни до тех пор, пока я не стал выжатым лимоном, в котором больше не нуждаются. Но это нелогично и в высшей степени несправедливо! И без подобной подписки при допросах мною не оказано ни одного упирательства, а также и поводов с моей стороны не подавалось на применение ко мне такого бесчеловечно-жестокого режима и условий тюремной жизни, в которую меня запрятали, не обращая ни на что внимания!

По прибытии в Петроград 15 ноября 1921 года из Польши я являлся во все учреждения, в которые было приказано коллективом и комиссаром I участка службы Пути станции Петроград Виндавский, для оформления и получения требуемых документов. Если бы было приказано явится в Особый отдел, то и это сделал бы, потому что вернулся на родину, как не могший далее жить на чужбине на положении безотечественника и служить там, где мог быть полезным, но ни в коем случае не для работы в пользу тех¸ среди которых находился до прихода в Россию! Имея самых близких родных на станции Струги Красные Петроградской губернии Сев. Зап. ж.д., нужно быть наивно-глупым ребенком даже и думать о такой работе. Ведь за меня имеются поручительства, родители, братья, сестры и родные также ручаются за меня, и благополучие которых для меня дороже всего, так как мне известно то, что их всех ожидало бы за мои работы, а потому лица, желающие выжать из меня что-то, решительно ничего не теряют для общего интереса тем, если дадут мне свободу жить и служить. А Родина и правительство от того, что меня не будут мучить, тоже не пострадают и, стало быть, ущерба этим причинам им быть не может! Поручители за меня ответствуют перед Родиной. Мною писались неоднократно просьбы во ВЦИК, но я уверен, что ни одна просьба не дошла до места назначения, ибо в противном случае видел бы изменения в следствии по моему аресту. Дело мое могло быть расследовано ранее чем в полугодичный срок, в течение которого можно любое сведение получить даже из Китая, но из Польши это проделать можно гораздо быстрее. Сведений обо мне может быть немного, т[ак] к[ак] я не партийный — не политический человек, не сам Савинков и не de-Bartu[22]. Кроме эмигрирования ничего больше за мною не может числиться, а за Савинкова, Балаховича и за de-Bartu я в ответе быть не могу! А почему нельзя допустить неправильность, неточность сведений и данных, полученных от опроса лиц, прибывших ранее из Польши? Неправильности возможны потому, что кто ничего не делает, тот не ошибается. А из-за малейшего, не вполне официального, сведения или свидетельского показания, можно погубить человека!

Начальник специального следственного 4-го отделения ОО ПВО тов. Логинов и следователь от ВЧК тов. Толли — лица официальные и являются авторитетом. Этими лицами также официально было заявлено, что целью Правительства Советской России является не наказание преступников, а исправление их. Ссылаясь на это авторитетное заявление должностных официальных лиц, осмеливаюсь заявить Вам, что я честный человек, никого не убил, не скомпрометировал себя перед Родиной и ее правительством шпионажем, в чем имеют желание обвинить меня лица, ведущие следствие, но для этого нужно доказать факт виновности — такое доказательство ищется во всяком судебном процессе и во всех республиках, королевствах и т.д., убедительно прошу Вашего справедливого распоряжения о скорейшем разборе дела, а также умоляю Вас не уродовать мою жизнь ужасом тюрьмы и простить мне эмигрирование, которое имело место в моей жизни в столь молодые годы, как 19–23-летний возраст.

Лица, производящие следствие, дали мне понять, что с ними нужно было хитрить и при допросах только давать ответы на задаваемые вопросы, но ни в коем случае не делать так, как делал я, т.е. я все показания писал собственноручно в камере без вопросов. В общей сложности моих обвинений и является всё то, что мною дано в показаниях. Это противозаконно, несправедливо и бессердечно, а томить полгода в тюрьме под скромно названным следствием в условиях нравственного застенка — преступление; ибо нет доказательств, к предъявляемым обвинениям и факт виновности не может быть доказанным, а потому я могу находиться только под подозрением и под надзором, тем более, что за меня есть поручительства и гарантией тому, что я не буду заставлять беспокоится властей своим поведением, будут отец, мать, братья, сестры, которые никогда и ни за что не отрекутся от меня и поручатся головою, зная, что их безопасность и спокойствие для меня священны и дороже всего в жизни!

Вследствие вышеизложенного прошу войти в мое состояние и положение, а также прошу быть сочувственными и не мстительными. Обратите внимание на мои просьбы: будьте сострадательными. Сам себя наказал эмигрированием, это наказание может быть известным только тем, кто был эмигрантом и теперь достаточно наказан полугодичным жестоким тюремным заключением со всеми ужасами переживаний. Вернулся на Родину по амнистии октября месяца 1921 года, прочитанной мною в известиях ВЦИК от 9/XI 1921 г. за подписью председателя ВЦИК тов. Калинина, неофициальным путем, но явился во все учреждения, в которые я, как железнодорожник, был послан приказом коллектива и комиссара 1 участка сл. Пути и где служил до дня арестования, не дав ни малейшего повода даже к подозрению как по службе, так и в частной жизни. Для арестования был вызван по телефону в ОДТЧК Виндавский вокзал, куда явился сам добровольно!

Умоляю простить мое эмигрирование и амнистировать. Сделайте это ради любви к Родине, во имя правды и ради моих старых родителей, братьев и сестер, которым я нужен. Покажите себя большими людьми, ведь я же Родине

и ея Правительству не опасен нисколько, равносильно этому то, что правительство РСФСР не теряет ничего освободив меня и не найдет пользы в моем наказании! Пожалуйста, простите мне вывихи молодости. Мне не перенести далее заключение, сильно и долго страдал, и страдаю теперь от ужасов моего заключения! Дальнейшее заключение могу понимать только как месть под названием «наказание», но это не делает большими людьми тех, кто подпишет приговор этой местью. От этого пользы не будет никому, а только сделают мою молодую полную переживаниями и страданиями жизнь безразличною: не будет интереса в жизни, ибо она будет отравлена для меня и бесцельна!

Во имя правды и справедливости умоляю вас не уродовать мою молодую жизнь тюрьмами и простить эмигрирование, но сидеть не могу дальше — нет сил! Я уже исстрадался и за себя отвечать не могу. В противном случае накажите по моей специальности (прошение от 12 мая 1922 г.). Прошу также снять эту изоляцию, перевести в человеческие условия подследственного лица, полагающиеся ему по общечеловеческому и международному праву цивилизованных стран. И разрешите хотя бы одно письмо послать семейству с просьбой прислать необходимое! Чего до сих пор не разрешалось.

Ф. Иванов. ДПЗ. 12 июля 1922 г.»[23]

Протоколы последующих допросов Иванова не сохранились. Можно только утверждать, что следователь Розенштейн продолжал допрашивать его еще и в конце августа 1922 г. Подследственный к тому времени был переведен в другую камеру ДПЗ. Перевод был обусловлен допущенным Ивановым проступком, о котором он сам писал Розенштейну 29 августа:

«Простите за беспокойствие и постоянное надоедание, но я вынужден своим положением Вас беспокоить! Не найдете ли возможным перевести меня в другую не одиночную камеру. Камера № 38, в которой сейчас сижу, страшно сыра, да, и вообще, это не камера, а приспособленный карцер без световых решеток. Крысы, круглые сутки, не дают покоя — вообще в такой камере можно находится только несколько дней, а всё время находиться невозможно!

Меня перевели в эту камеру-подвал в наказание за письмо от 15/VIII 1922 г., но ведь я и так за семь месяцев томления достаточно пережил всего. Зачем же так жестоко относится к тому, что я сделал 15/VIII 1922, если бы хотя одну открытку пропустили бы по назначению, то не было бы и письма от 15/VIII 1922 г. На каждый пункт письма могу дать самые определенные объяснения. Тов. Розенштейн! Будьте добры переведите меня в какую-либо неодиночную камеру, а так сидеть невозможно. Ведь факт тот, что от перевода в другую камеру осложнений не может быть для дела следствия, которое Вами уже закончено, судя по сказанному Вами 3/VII 1922 года, а наказывать так — излишне, потому что эти семь месяцев в нравственном застенке без суда служат достаточным наказанием! Пожалуйста, будьте добры, не откажите в просимом!»[24]

Осенью 1922 г. подследственный был передан следователю Ланге, который 21 октября вынес решение об окончании следствия. Иванов обвинялся в бандитизме, шпионаже и принадлежности к контрреволюционной организации Савинкова. В этот же день, ознакомившись с постановлением следователя, Иванов написал очередное прошение. Во время написания он был переведен из особого яруса ДПЗ в 5-е отделение, камеру № 21: «В ночь с 20-го на 21-е октября сего 1922 г. по окончании последнего допроса по моему делу мне было объявлено под расписку постановление о передаче меня в суд. Льщу себя самой скромной надеждой, что этот судебный орган не откажет принять мои самые убедительные последние просьбы и обратит на них внимание. Оправдываться не имею права — я виноват, но принимая во внимание мою полную откровенность и правдивость в показаниях, покорнейше прошу быть снисходительным к тому, что мною сделано в столь юный период жизни перед родиной за границей. Если не найдете возможным простить эти вывихи молодости во время эмигрирования мне, то умоляю Вас пощадить, пожалеть семейство, которых мое такое продолжительно заключение в тюрьме убьет, да и при том же я им необходим, т[ак] к[ак] никто из них не служит; отец, мать стары и нездоровы, три брата учатся и несовершеннолетние — 17 л., 14 л., 12 л., две сестры живут [при] отце, одна из них вдова и также службы не имеет — живут на то, что зимою работают поденно на железной дороге, а летом обрабатывают имеющийся огород.

Во имя Правды и Справедливости умоляю простить меня, чем сделаете большую помощь семейству и облегчите их и мои страдания.

Мой неофициальный приезд или возвращение на родину ставит меня в довольно подозрительное положение перед властями и <нрзб.> позорное обвинение в шпионаже. По поводу этого обвинения покорнейше прошу принять следующие оправдания:

1. Я был преступником по отношению родины только за границей, но не [на] территории РСФСР, как русский человек не настолько забыл и разлюбил родину, не настолько испорченная натура, чтобы быть мерзавцем и носить позорнейшее из званий, имя шпиона и у себя на родине, т.е. в РСФСР.
2. Имея здесь же на станции Струги Красные Петроградской губернии семейство — самых близких сердцу, дорогих родственников, благополучие которых для меня есть священное, никогда, даже при желании не смел бы принять на себя то, что дает имя шпиона; ибо я знаю, какие результаты — страдания ожидали бы их и был бы тогда бесчеловечно-жестоким сыном и братом, и всю жизнь носил бы еще позорное имя отцеубийства.

Убедительно прошу снять это позорное обвинение с меня, т[ак] к[ак] клянусь честью и всем дорогим мне, что это только есть повод к развязке с Польшею, иначе не мог выбраться оттуда, а подробная мотивировка к этому сказана в моих допросах! При том же разрешите заметить, что с Вашей стороны нет никаких на чем-либо основанных доказательств в подтверждение такого серьезного

обвинения. Я сам сразу сказал о всем этом следователю Улеско на его вопрос: «Зачем вы приехали в Россию и с какими намерениями?» Ведь прежде чем передать меня в суд всё мною показанное при объяснениях тщательно подтвердилось и так как мною ничего не сделано, то безусловно нет и подтверждений такому обвинению. Ни одна прокуратура не может обвинить человека при наличии таких материалов-сведений, — так гласит закон цивилизованных стран!

Что же касается того, что я был членом отряда партизан полковника Васильева в 1921 г., то скажу одно: 1) я был без оружия, 2) грабежами вовсе не занимался — не по моей натуре и вообще старался быть в стороне от этого. Находящиеся здесь члены этого отряда, если они вполне откровенны, то должны это подтвердить. А если у вас есть возможность допросить п-ка Васильева, пор. Гурьева и пор. Наваева, то они тоже не должны отрицать того, что я просил поднять дисциплину в отряде и протестовал против грабежей. В этом отряде находился с первых дней похода против своего желания, о чем говорил только поручику Гурьеву и пор. Наваеву и ждал, когда отряд подойдет к моей родине, город Псков, чтобы выступить из него. Вот то, чем я обижал крестьян: когда поспели яблоки в садах, то я при проходе такого сада частенько срывал для себя несколько яблок и в конце похода по настоянию того взвода, в котором я находился, и которым командовал капитан Смирнов-Чижевский, стал для себя копать крестьянскую картошку, а до этого я питался их трудами. Надеюсь капитан Смирнов-Чижевский не откажется от того, что делал мне замечения о том, что я хожу барином и не помогаю прочим.

Этим я не оправдываюсь, но поясняю ту обстановку, в которой находился. Строго разбираясь в этом деле, то я не могу быть настолько ответственным перед судом родины, как те, на совести которых лежат грабежи, убийства и разные другие бесчинства!

Граждане! Примите, пожалуйста, во внимание то, что все показания написаны лично мною в камере без вопросов и без малейшего упирательства. За их правдивость ручаюсь. Льщу себя надеждой, что уже одна моя откровенность без понуканий служит показателем о качестве моих душевных достоинств, а также определяет и то: испорченный ли я человек или нет? Такой ли закоренелый преступник, что только ужасы тюрьмы в состоянии исправить меня? Конечно, нет! Это самообман зрения на все мое дело и из-за этого самообмана мне уродуется жизнь, отнимается смысл и цель жизни! Я уже в достаточной мере наказан и дальнейшее тюремное заключение сделает сумасшедшим, ибо очень много болел до эмигрирования, а равнодушно-спокойным ко всем ужасам тюрьмы быть не могу. Поймите, граждане, ведь десятый месяц мучаюсь изолированным ото всех в сырой, вонючей и до ужаса холодной одиночной камере! Не дают слова прочесть от близких родных. Также лишен возможности дышать дневным воздухом, а только по предписанию врача ДПЗ разрешили с 10/VII ночную прогулку, во время которой гасят свет на дворе и охраняют как жар-птицу, а от кого? Тюремная администрация сама не знает! Ведь

все, которых я знал в Польше, и которые ныне находятся в ДПЗ, мне хорошо известны и здесь! Написанных открыток с самым необходимым для жизни не пропускают, а мне со спокойной совестью, не краснея говорят: «Пишите, пожалуйста, и мы отправим!» Хотя я и арестованный, но мне необходима и духовная пища — сердце не камень, а потому мои страдания тем ужасны, что я знаю бедственное состояние и сильную нужду родителей и дорогих сердцу родных, а мне не дают даже поменяться с ними открыткою! Ведь такою бессердечностью и жестокостью дело не исправишь, а введешь человека только в самое отчаянное состояние, в котором я нахожусь всё последнее время и целей никаких достигнуть невозможно!

Первые месяцы заключения я не говорил ничего по этому поводу, хотя нес сильную нужду и голодал — я знал, что первое время это надо, но после этот режим был оставлен за мною без надобностей — произвольно и на самые убедительные просьбы я получал вышеприведенный ответ и только-то!

Будьте добры! Примите мои просьбы, поскольку возможно удовлетворить их! Покорнейше прошу принять во внимание при разбирательстве дела то, что с переходом границы с 6-го на 7-е ноября 1921 года в Россию — не сделал ни малейшего преступления, а то, что мною сделано за границей прошу всё простить, к чему разрешите присовокупить следующее: Правительство России несколько раз объявляло полные амнистии тем эмигрантам-белогвардейцам, которые находятся не в России, а та амнистия (ноябрьская 1921 года), по которой я пришел, была объявлена в известиях ВЦИК и подписана председателем Комитета тов. Калининым.

<...> Покажите себя большими людьми! Я не опасный человек для родины и не такой человек, чтобы держать меня в заключении!

Простите грехи молодости — это может быть с каждым! Пусть каждый из Вас обернется на прожитый жизненный путь, то там тоже окажутся свои грехи и вывихи!

Я смею ожидать милостей Правительства, т[ак] к[ак] у себя на родине не провинился ничем, а был преступником только за границей!

Мне не место в тюрьме потому, что я могу быть хорошо полезным по своей специальности, а без работы жить не могу!

Если можете, то простите! От моих страданий сделанное не вернешь, а Правительству от того, что сделаюсь инвалидом, молодым стариком в тюрьме пользы не будет!

Иванов»[25].

17 ноября дело было передано в военный трибунал ПВО и Балтийского флота. 18 декабря 1922 г. дело Ф. Я. Иванова было передано в Окружной революционный военный трибунал ПВО согласно циркуляра Верховного трибунала ВЦИК № 119 по подсудности. В тот день в трибунал было передано сразу несколько дел, проходившие по которым лица обвинялись в принадлежности к савинковской организации — всего 11 дел.

31 декабря 1922 г. Иванов написал заявление в ВЦИК (копии в ВЧК и прокурору Окружного военно-революционного трибунала ПВО и БФ):

«Вернувшись из эмигрирования 7 ноября 1921 года, в котором находился с 27 мая 1919 года, сразу же по приезде в Петроград, т.е. 16-го ноября с.г., явился в ОДТЧК Детско-Сельского вокзала Северо-западных железных дорог, где получил письменное разрешение от вышеназванного органа на занятие должности техника 1 участка службы Пути и Зданий <...>. Когда войска генерала Юденича оккупировали станцию Струги Красные Петроградской губ. в мае месяце 1919 года <...> то как специалист я был мобилизован или вернее сказать по приказанию одного из командиров бронепоездов работал при них по восстановлению и разрушению железнодорожной линии Струги Красные — Плюсса Сев. — Западных железных дор. и между Гдовом и Нарвой. Такую службу исполнял около двух-трех месяцев, а затем устроился на штатную службу в гор. Нарве на должность техника дистанции службы пути, где прослужил почти до интернирования войск ген. Юденича, а потом перевелся на ту же должность на эстонскую службу, на участок Нарва-Раквере. <...> Имея в Нарве знакомых, заводил и новые знакомства, так познакомился через государственного контролера Николая Александровича Панова из Пскова [с] белым офицером полковником Васильевым, который предложил переехать вместе с ним в Польшу, где он, ссылаясь на свою тесную дружбу с Борисом Викторовичем Савинковым, обещал дать мне хорошую службу по специальности. 15 октября 1920 г. уехал в Польшу морем из Ревеля <...>. Не получив обещанного и не имея средств к жизни 22/X 20 г. уехал в гор. Пинск, где стоял тогда штаб армии Балаховича, Савинкова и К°, в котором ходатайствовал о принятии на техническую должность, каковой у них не оказалось, и я снова пустился в розыски за службой, с первым поездом поехал ближе к фронту на станцию Лунинец, где нашел белый бронепоезд «Балаховец», на который и поступил техником с 27 октября того же года. Названный бронепоезд на фронт вовсе не выезжал, т[ак] к[ак] впереди по железной дороге к фронту все мосты были взорваны.

В декабре месяце 1920 года было объявлено интернирование белых войск и бронепоезд «Балаховец» был расформирован, а его команда раскомандирована по полкам, которые со всем своим составом были перевезены в лагерь Щипиорно, который находится в семи километрах к западу от гор. Калиша. В лагере состоял в составе 3 Вознесенского полка и был откомандирован из полка в Ликвидационную комиссию генерала Ярославцева писарем демобилизационного отдела этой комиссии. В феврале или марте месяце 1921 года весь лагерь Щипиорно был перевезен по каким-то соображениям Б. В. Савинкова в местечко Пикулицы, близ города Перемышль в Галиции, которая ныне присоединена к Польше. В этом лагере стали организоваться партизанские отряды, в один из которых, а именно: в отряд полковника Васильева поступил и я, предпочитая преступление, чем страдания, патриотические оскорбления, причиняемые поляками в лагере всем русским. По сформировании отряд пол-

ковника Васильева под видом латвийских подданных был перевезен в Варшаву, где состав отряда получил документы через Савинкова от польского генерального штаба на беспрепятственный переход границы в Сов[етскую] Россию. <...> Из свидетельских показаний видно, что в отряде был без оружия. Грабежами не занимался вовсе! Это не входит в состав моих жизненных правил и вообще у меня возникали недоразумения и конфликты с полковником Васильевым из-за бесчинств, творимых его ослепленными приверженцами. Обо всем этом мною убедительно прошено ОСОБОУПОЛНОМОЧЕННОГО ОТ ВЧК тов. РОЗЕНШТЕЙНА, чтобы он опросил всех членов отряда обо мне, дабы я не был поставлен на положении настоящего бандита-мерзавца, так как на моей совести нет ни одного поступка — негуманного!

С первых дней перехода границы отрядом, в нем находился помимо своего желания, а оставить отряд не мог потому, что за всеми все следили. Пробыв на территории РСФСР около трех месяцев, весь отряд перешел обратно границу в Польшу и прибыл в местечке Глубокое, откуда поляки вновь насильно послали отряд Васильева в Советскую Россию, но я вторично идти категорически отказался, имея на руках эстонский временный, но просроченный паспорт, который для поляков в местечке Глубоком был китайской грамотой, и они в нем ничего не поняли, а мне, как изъявившему желание ехать на мнимую родину, разрешили ехать в Варшаву, приехав куда и не получив жалованья даже за старое время, не имея сменного белья, я обратился за помощью к Савинкову, т.е. за расчетом, но он предложил мне только подачку, от которой отказался и окончательно порвал связь с организацией Савинкова.

Жить далее в Варшаве не представлялось возможным <...> решил кое-как прожить пока в Варшаве, пользуясь как неимущий бесплатными обедами и ужинами в столовой красного креста на Подвальной улице дом № 5 и подыскивать службу — каковую нашел, благодаря знакомству, во французском военном дипломатическом представительстве при польском правительстве. Пользуясь службой и войдя в некоторое доверие к французам, я упросил начальника информационного отдела капитана де-Рож устроить мне служебную командировку в Сов[етскую] Россию с целью привезти для них сведения (смотри протоколы дознания). Чтобы ехать агентом из Польши в Сов[етскую] Россию, нужно было иметь в России таких людей, которые могут доставать секретные приказы и распоряжения органов правительства, но у меня таких людей не было и я обратился к знакомому офицеру капитану Латунину, который <...> знал меня через полковника Васильева, как молодого неиспорченного человека, несущего сильную нужду во всем, то он, Латунин, решил помочь мне осуществлением этой командировки и сообщил, куда должен бы я явиться по приезде в Петрограде. <...> в ночь с 6-го на 7-е ноября 1921 года я перешел границу чрез реку Случ, между станциями Сенкевичи–Жидковичи железнодорожной линии Лунинец–Гомель. 15 ноября 1921 года приехал в Петроград, где имел родственника <...> который помог устроиться на службу, но он не знал кто я такой по белым и откуда?

Как ранее упоминалось, все показания мною писались собственноручно без понуканий со стороны властей, что служит показателем моих душевных достоинств, т.е. доказывает, что я неиспорченный человек, а если это так, в чем нет сомнений, то разрешите сослаться на сказанное мне официальными лицами как следователь от ВЧК тов. Толли, начальник секретного специального 4 отделения тов. Логинов, начальник секретно-оперативной части из ОО ПВО и особоуполномоченный от ВЧК тов. Розенштейн, что цель правительства РСФСР не карать, а исправлять преступников. Принимая во внимание мою откровенную чистосердечность, тот период возраста, в который совершено противозаконие пред правительством Родины и мое семейное положение, то смело скажу, что исправлять меня не нужно в ужасах тюремных казематов, что неизвестно лицам, стоящим у кормила власти моей родины т.е. скрыто! <...>

В общем разрешите сказать о себе следующее: всеми ранее поданными просьбами и заявлениями я не оправдываюсь, т[ак] к[ак] виноват за службу у белых, но заслуживаю снисхождения и милости правительства в каковых убедительно прошу не отказать мне ради Правды, Справедливости и семейства, состоящего из старых больных родителей, трех братьев школьного возраста и двух сестер, которые все зарабатывают на пропитание честным, тяжелым трудом и требуют обязательно моего присутствия при них.

Пусть каждый из Вас обернется на пройденный жизненный путь, и он там найдет свои же вывихи молодости и другие ошибки, а потому прошу войти в мое положение, примите во внимание мой возраст, происхождение из крестьян и простите всё то, что мною сделано за границей против правительства родины, к чему разрешите присовокупить, что циркулярными распоряжениями Правительства РСФСР от 9 августа 1922 года и от 30 ноября 1922 года, помещенными в известиях ВЦИК, предписано верховному трибуналу и всем прочим трибунам[26] о ненаказуемости белогвардейцев, вернувшихся добровольно на родину, но в циркулярах не указано официальным или неофициальным порядком возвращаться?

Простите за назойливость, но покорнейше прошу прочитать написанное и обратить серьезное внимание на всё. Покажите себя нравственно большими людьми, чего требует международное создавшееся положение, и не заставляйте меня разлагаться в тюрьме и превращаться в молодого старика-инвалида. Я уже просидел десять месяцев в строгой изоляции, в одиночной, вонючей и темной камере одним под названием «секретный арестованный неизвестный № 1» и один месяц в общей камере — всего томлюсь в страданиях тюрьмы одиннадцать месяцев под следствием, тогда как тов. Розенштейн объявил мне, что следствие совсем окончено 3/VII 1922 года, но суду трибунала не предавали почему-то? <...>

Особым отделом ПВО произведено 29 допросов. С 11 ноября 1922 года нахожусь в распоряжении окружного военно-революционного трибунала ПВО и БФ, но следователь трибунала еще не вызывал. В заключении нахо-

жусь во 2-м исправдоме в 5 отделении в камере № 21, к чему докладываю Вам, что во 2-м исправдоме совершенно не кормят арестованных, а когда бывает комиссия, то сварят хороший суп и выдают всегда порцию хлеба в день в 32 золотника. В обыкновенные дни суп нельзя даже при голоде кушать, т[ак] к[ак] в нем кроме воды имеется гнилая картошка и кочерыжки от капусты. Посуда медная и не вылужена, а потому всё, что наливается в судок, пахнет и делается кислым!

Льщу себя самыми скромными надеждами, что Вы поскольку возможно удовлетворите мои убедительные просьбы.

31/XII 22 г. Политический заключенный 2 исправдома 5 отделения камеры № 21 Ф. Иванов»[27].

Заключение по делу Иванова следователя Революционного военного трибунала ПВО Гредингера было подписано 19 января 1923 г. 30 марта Военный трибунал ПВО под председательством Горячева вынес приговор. Иванов был приговорен к высшей мере наказания. «Амнистии к осужденному не применять». Приговор был окончательный, но на основании уголовно-процессуального кодекса мог быть обжалован в 72-часовой срок. Следствием было установлено, что в лагерях для интернированных Иванов был «известен как контрразведчик, что, в частности, выразилось в ликвидации подпольной революционной ячейки, занимавшейся агитацией среди интернированных и распространением среди них прокламаций», при ликвидации ячейки Иванов лично принимал участие в арестах. 30 марта 1923 г. приговор в отношении Федора Яковлевича Иванова был приведен в исполнение.

Стоит отметить, что протоколы допросов свидетельствуют об отсутствии у следователей сколько-нибудь заметного интереса к вопросу о мотивации действий подследственного. Причины, по которым он добровольно и, судя по всему, осознанно, встал на сторону противников советской власти, остались неизвестными. Следователям было достаточно самого факта активного участия Иванова на стороне белого движения.

В 2003 г. первый заместитель прокурора Санкт-Петербурга Е. В. Шарыгин утвердил заключение в отношении Иванова Федора Яковлевича по материалам архивного уголовного дела, гласившее, что на основании ст. 4 Закона Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 г. Ф. Я. Иванов реабилитации не подлежит.

---

1 О деятельности Б. В. Савинкова и созданных им структур в Польше подробнее см., напр.: *Симонова Т. М.* 1) Белые формирования в Польше («отряд русских беженцев») в 1919–1921 годах. М.: Квадрига, 2013; 2) Прометеизм во внешней политике Польши. 1919–1924 гг. // Новая и новейшая история. 2002. № 4. С. 47–63; *Алексеев Д. Ю.* Б. В. Савинков и русские вооруженные формирования в Польше в 1920–1921 гг. Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2002.

2 Дмитрий Николаевич Любимов (1864–1942) — камергер (1901), гофмейстер (1912), виленский губернатор (1906–1912), сенатор (1914), председатель Русского комитета в Варшаве.

3 Архив Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (далее — АУФСБ по СПб и ЛО). Д. 14516. Л. 1.

[4] Там же. Л. 46.
[5] Там же. Л. 29.
[6] Там же. Л. 48.
[7] Там же. Л. 48 об.
[8] Русский политический комитет (Русский эвакуационный комитет), официально занимавшийся попечением о нуждах войск после подписания советско-польского перемирия в октябре 1920 г. Фактически задачей комитета было возрождение савинковского Народного союза защиты родины и свободы для продолжения борьбы с большевиками.
[9] Точнее — Hotel Brülowski — по названию находившегося рядом Pałac Brühla.
[10] Виктор Викторович Савинков (1886–1954) — в 1916 г. окончил Константиновское артиллерийское училище в Петрограде, в 1920 г. вступил в РККА, воевал на польском фронте, дезертировал, участвовал в боевых действиях частей Булак-Балаховича; в 1921 г. стал начальником Информационного бюро Русского эвакуационного комитета в Варшаве. После высылки из Польши в конце 1921 г. обосновался в Праге, занимался журналистикой. От политической деятельности отошел в 1923 г.
[11] Анри Альбер Ниссель (1866–1955), в 1917–1918 гг. возглавлял французскую военную миссию в России.
[12] АУФСБ по СПб и ЛО. Д. 14516. Л. 48 об.
[13] Там же. Л. 49.
[14] Весной 1920 г. савинковец поручик Орлов с отрядом в 14 человек напал на местечко Кайданово, где ими был разграблен волостной исполком и захвачены образцы документов.
[15] АУФСБ по СПб и ЛО. Д. 14516. Л. 50.
[16] Полковник Васильев в 1918 г. вступил в РККА и как военный специалист руководил военным комиссариатом в Опочке (Псковская губерния; его родовое имение находилось рядом с Опочкой). Позже бежал в Латвию и был начальником штаба отряда Булак-Балаховича.
[17] Члены Русского эвакуационного комитета 7 октября 1921 г. были приглашены к министру иностранных дел Скирмунту, который предложил им покинуть пределы Польши. 28 октября А. А. Дикгоф-Дерентальь, А. Т. Земель, Виктор Савинков, А. К. Рудин и др. были высланы полицией к границе с Чехословакией. 30 октября туда же был препровожден Борис Савинков.
[18] АУФСБ по СПб и ЛО. Д. 14516. Л. 51 об. — 52.
[19] Там же. Л. 85–88.
[20] Там же. Л. 92–93.
[21] Там же. Л. 112–113 об.
[22] Вероятно, имеется в виду Луи Барту (Barthou).
[23] АУФСБ по СПб и ЛО. Д. 14516. Л. 114–117.
[24] Там же. Л. 119.
[25] Там же. Л. 144–153.
[26] Так в тексте
[27] АУФСБ по СПб и ЛО. Д. 14516. Л. 159а-161.

References

ALEKSEEV D. Yu. *B. V. Savinkov i russkie vooruzhenny'e formirovaniya v Pol'she v 1920–1921 gg.* Diss. na soisk. uch. st. k.i. n. [Savinkov and the Russian armed forces in Poland in 1920–1921]. St Petersburg, 2002.

SIMONOVA T. M. *Bely'e formirovaniya v Pol'she («otryad russkix bezhencev») v 1919–1921 godakh.* [White formations in Poland («group of Russian refugees») in 1919–1921. In Russ.]. Moscow: Kvadriga Publ. House, 2013.

SIMONOVA T. M. *Prometeizm vo vneshnej politike Pol'shi. 1919–1924 gg.* [Prometheism in the foreign policy of Poland. 1919–1924. In Russ.] // Novaya i novejshaya istoriya. 2002. N4. P. 47–63.

Список литературы

Алексеев Д. Ю. Б. В. Савинков и русские вооруженные формирования в Польше в 1920–1921 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2002.

Симонова Т. М. Белые формирования в Польше («отряд русских беженцев») в 1919–1921 годах. М.: Квадрига, 2013.

Симонова Т. М. Прометеизм во внешней политике Польши. 1919–1924 гг. // Новая и новейшая история. 2002. № 4. С. 47–63.

А. И. Рупасов. Человек в период хаоса: судьба рядового савинковца.

Гражданская война в России выявила немалое число людей с колоссальным потенциалом к действию. Однако на исходе этой войны многие из них столкнулись с необходимостью поиска решения дилеммы: продолжать борьбу или отказаться от прежних убеждений и целей. В статье на основе архивных дел Государственного политического управления рассматривается судьба человека, которого в советской России считали сторонником одного из самых последовательных врагов большевиков — Бориса Викторовича Савинкова.

Ключевые слова: Гражданская война, Россия, ОГПУ, Савинков.

A. I. Rupasov. In a period of chaos: The fate of a one supporter of Boris Savinkov

The Civil War in Russia revealed a considerable number of people with a huge potential for action. However, the outcome of this war, many of them are faced with the necessity of finding a solution to the dilemma: to fight or to abandon former beliefs and goals. In the article, based on archival affairs of the State Political Department, is considered the fate of one man — the supporter of one of the most consistent enemies of the Bolsheviks, Boris Viktorovich Savinkov.

Key words: Civil war, Russia, OGPU, Savinkov.

Рупасов, Александр Иванович — д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник, Санкт-Петербургский институт истории, Российская академия наук; член-корреспондент Финляндского исторического общества (Suomen Historiallinen Seura).

Rupasov, Aleksandr Ivanovich — Dr. of Sciences (History), St Petersburg institute of History, Russian academy of Sciences; corresponding member of the Finnish historical society.

E-mail: rupasov_ai@mail.ru